

«...Всю тварь хотя обновити», или О богослужении и смысле

Pravmir.ru, Андрей Дудченко, протоиерей

На вечерне хор начал петь тропарь предпразднства Богоявления. И тут мы с диаконом обнаружили, что на слух нельзя разобрать почти ни одного слова из этого пения. Дело не только в акустике храма, но и в трудности восприятия на слух такого насыщенного образами и богословскими идеями текста. Прочтите его и попробуйте разобраться:

Готовися, Завулоне, / красуйся, Неффалиме, / Иордане реко, стани, / подыми, възгряя, креститися грядуща Владыку. / Веселися, Адаме с праматерию, / не крывает себе, якоже в раи прежде, / ибо, наги виде вь, явися, / да облечет в первую одежду: / Христос явися, всю тварь хотя обновити.

А теперь представьте, каково воспринимать это на слух. Тут и читая, не всякий поймет, что к чему относится. Ключевые мысли этого тропаря таковы: Христос, Сын Божий в древности видел в райском саду Адама и Еву, скрывавшихся от Него после грехопадения, поскольку они обнаружили свою наготу. И вот теперь Он явился и принимает крещение в водах Иордана, чтобы вернуть прародителям их «первую одежду», то есть состояние святости и непорочности, так что им впредь не нужно уже будет скрываться от Бога: Христос пришел, чтобы «обновить» все творение.

Как и многие богослужебные тексты, этот тропарь настолько насыщен образами и смыслами, что даже при переводе на современный язык остается непонятным для тех, кто недостаточно знаком со Священным Писанием и православным богословием. Кто такие Завулон и Неффалим? Почему Иордан должен остановиться? Когда это Христос видел Адама и праматерь нагими? Что значит одеть в первую одежду и обновить творение? Даже самый лучший перевод на самый современный язык не приблизит к пониманию этого текста, если читающий/слушающий не будет знать Ветхого Завета и некоторых богословских идей.

Еще один пример. Недавно одна моя знакомая по социальной сети обронила фразу, что хорошо понимает богослужение на церковнославянском и не нуждается в переводах на современный язык. Я провел эксперимент, попросив перевести хорошо известный всем православным тропарь святителю Николаю: «Правило веры и образ кротости...» В ответ получил пересказ, в котором было все что угодно, только отсутствовало подлежащее – один из главных членов предложения.

Повторили эксперимент, проверив, как на слух воспринимается последняя строка задостойника Рождества Христова: «но-и-ма-ти-си-лу... даждь» – получили «иметь силу», тогда как в оригинале это молитвенное обращение к Богородице-Матери («но и, Мати, силу... даждь»).

Дело в том, что в церковнославянском языке порядок слов в предложении соответствует греческому тексту. Это буквальная калька с греческого оригинала. В этом большой плюс церковнославянского и в этом же – его огромный недостаток. Ну не можем мы сказать «да не веровавшие спасутся», если хотим донести мысль о том, что нельзя спастись, не уверовав. Не может славянское ухо разобрать, о чем идет речь во фразах «тем богоразумия к свету наставльшеся» или «не бо яже прият палит юныя, яко ниже огонь Божества Девы». А ведь это строки из ирмосов канона Рождества Христова, который с таким вкусом поют и любят «ценители» и «знатоки» православного богослужения!

Недавно я слушал запись православной радиопередачи, в которой ведущий (очень хорошо разбирающийся в богослужении и прекрасно излагающий свои мысли) объяснял ирмосы рождественского канона. Так вот, после каждого ирмоса ему приходилось вновь и вновь пояснять слушателям, что текст столь «неудобоварим» по причине буквального копирования порядка слов в греческом. **Но мы поем так веками, и, видимо, будем петь еще долго, потому как известна наша любовь к принципу «не нами положено – лежи оно так во веки веков». Даром что смысл неясен – зато все благочестиво, и традиция сохранена.**

Что и говорить. Попробуйте после воскресного или праздничного всенощного бдения поинтересоваться у прихожан, какие мысли им запомнились из канона – занимающего центральную часть утрени в составе всенощной. Однажды на рождественской всенощной я попробовал сам почитать праздничные каноны. Слог этих древних канонов таков, что местами понимал только обрывки фраз. Конечно, мое знание языка не идеальное, но смею надеяться, что церковнославянский я вообще-то понимаю неплохо... Даже не ожидал такого «провала». Сидя в кабинете, можно было бы разобраться, но во время службы нет возможности остановиться, подумать над предложением, вернуться и перечитать.

Ситуация такова, что многие привыкли к такому порядку вещей, считают его единственно возможным и даже не ищут во время богослужения понимания какого-то смысла. Хотите еще более ужасающий эксперимент? Станьте в притворе после окончания литургии и поинтересуйтесь у выходящих из храма, о чем говорилось в прочитанном на службе Евангелии. Результат удивит, разве что если в проповеди в конце службы это евангельское чтение не пересказывалось... Но тогда у вас есть запасной вариант: спросите, о чем был Апостол!

«Пойте Богу нашему... пойте все разумно», – восклицал псалмопевец. Мы же теперь чаще всего ищем в богослужении не разумности, не осмысленности, а некоей «благодатной атмосферы» / «положительной ауры» / «хорошей энергетики». Молитвы и песнопения, звучащие в храме, для многих – не более чем «фон». В лучшем случае это «фон» для личной молитвы, но чаще – для создания и поддержания того, что именуется «молитвенным настроением». Нам нужно состояние «православной медитации», а не разумная служба... И вот, выходя из храма после двух часов такого «молитвенного состояния», мы думаем, что угодили тем Богу или сделали что-то важное для «духовной жизни».

«Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом», — писал апостол Павел Коринфянам (1Кор 14:15). У нас же значительная часть богослужения проходит вовсе мимо слуха молящихся. А ведь именно эти песнопения (стихиры, тропари, каноны), собственно, и составляют отличительную особенность той или иной праздничной службы. «Если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец», – пишет ап. Павел. При таком порядке вещей лучшее, что могут сделать прихожане – это молиться Богу сердцем или духом, а чаще – просто «медитировать». Но куда же девать разум? Вот и начинает он рассеиваться, «прокручивать» всякие житейские дела, а потом на исповеди можно будет покаяться в отвлечении ума во время молитвы... Но прислушаемся еще раз к словам апостола: «В церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке» (1Кор 14:19).

Кстати, у апостола Павла в этом же отрывке из Первого послания Коринфянам есть фраза, которая вовсе может быть непонятна в контексте сегодняшнего положения дел: «Ибо если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина как скажет: «аминь» при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь». Для многих, наверное, неясно, как соотносится «аминь» с тем, что говорится на службе. Но ведь наше богослужение построено по принципу диалога священнослужителей и всех молящихся (от лица которых чаще всего выступает хор). И молитва священника заканчивается ответом «Аминь» – словом, которое во всех языках оставлено без перевода. Чаще всего «аминь» переводят как «истинно». Но это не просто согласие с тем, что произнес священник, но его утверждение и активное принятие, то есть «это истинно так, и так и да будет!». Как пишет в книге «Евхаристия: таинство Царства» [о.Александр Шмеман](#), словом «аминь» завершают и как бы «запечатлевают» каждую молитву, произносимую предстоятелем, выражая этим «ответственное и изначальное участие каждого верующего, и всех вместе, в едином священнодействии Церкви».

О том, что на народ во время литургии возложена важнейшая функция: отвечать «аминь» на молитвы епископа и пресвитеров, то есть «запечатывать» их слова, утверждая их истинность и действительность, пишет и митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас) в недавно переведенной на русский язык книге

«[Евхаристия и Церковь](#)». «Как необходимое условие совершения литургии существует возглас «аминь» — привилегия мирянина, — пишет митр. Иоанн. — Я часто говорю клирикам, когда они торопятся и после своего возгласа добавляют «аминь», что они присваивают себе право церковного народа. Как мирянин не может произносить возгласы, поскольку не является клириком, так и клирик не может произносить «аминь», поскольку очевидно, что это дело народа, таким образом принимающего, подтверждающего и запечатлевающего свое согласие с совершаемым в данный момент».

Но, по свидетельству апостола Павла и по замыслу самого строя богослужения, для того чтобы люди ответили «аминь», необходимо, чтобы они слышали и понимали слова молитвы, в ответ на которые звучит это «аминь». Но у нас теперь оказывается можно отвечать «аминь», вовсе не задумываясь о том, что это значит и в ответ на что произносится. Думал ли апостол Павел, что в Церкви Христовой подобное явление не только войдет в привычку но и будет восприниматься как норма?

Когда-то пророк Амос писал такие слова:

*Ненавижу, гнушаюсь праздниками вашими,
не хочу вдыхать дым ваших праздничных жертв!
Приносите Мне всесожжения —
а Я ваших жертв не приемлю;
режете лучший скот —
а я и смотреть не хочу.*

*Избавь Меня от шума твоих песнопений,
и звук твоих лир не желаю Я слушать...*

(Ам. 5:21–23, цит. по Современному русскому переводу, РБО 2011)

Недавно отец Алексей Зырянов в сети Facebook прокомментировал это так: «Видим, что священнодействия, пышные богослужения, всякая внешняя и формальная религиозная деятельность могут быть отвергнуты Богом из-за недостатка ведения, познания о Боге, которое мы почерпаем из Священного Писания, и которое каждодневно ревностно исследовать заповедуют нам святые отцы... Без этого «ведения» искажается и утрачивается образ Христа в среде церковной, нет основания и опоры для образования личностей в церковном обществе, нет благоприятной среды для образования несущих апостольское служение миссионеров, учителей и пророков, исполняющих назначение Церкви в этом мире. В конце концов, может остаться только оболочка православная, только красивые храмы, облачения, утварь, формальная деятельность, приносящая столько же пользы, сколько мертвому припарки».

И вот мы подходим к неизбежно вытекающему вопросу: что делать? Увы, на этот один из вечных вопросов русской интеллигенции у меня нет готового ответа. Но давайте подумаем вместе.

Можно ли научить всех, или хотя бы большинство прихожан, понимать богослужебные тексты как они есть? Увы, я думаю, что это – практически невозможно. Для этого необходим не один год насыщенной программы. Можете усадить всех прихожан на три-четыре года за семинарские парты? Да и где взять столько учителей? Сначала надо будет научить тех, кто будет учить, но где взять ресурсы и средства на подготовку кадров?

Можно пойти иным путем: упростить само богослужение. Тут возможны разные подходы: от поновления церковнославянского текста с заменой неясных или превратно понимаемых слов и выражений до полного перевода на современный язык. Но только вот в большинстве рассмотренных выше случаев это не прибавит ясности: ведь для понимания многих наших песнопений нужно хорошо разбираться в священной истории и богословии Церкви...

Можно выработать особый приходской вариант богослужебного устава, отличный от монашеского. Ведь

до сих пор наша Церковь, в отличие, кстати, от греческой, имеет только один – монастырский – вариант богослужебного устава. В древности же были отдельные уставы для городских храмов и соборов, и отдельные – для монастырей. В приходском варианте устава можно было бы добиваться максимально «прозрачного» донесения основных смыслов до максимально широкого круга молящихся...

Но только вот так ли хорошо упрощение? Как раз перед написанием этой статьи мне встретилась ссылка на лекцию [Ольги Седаковой](#) на Полит.ру, посвященную опасности посредственности. Нужно ли стремиться всё упростить настолько, чтобы это мог понять «простой человек»? Оказывается, не только в советские годы от художников, музыкантов, поэтов требовалось писать так, чтобы это понял «простой человек», то есть, не получивший специального образования и, возможно, неотягченный особо тонким слухом. И в Европе, говорит Ольга Александровна, студенты подходят к своим профессорам с этим самым требованием: «Пожалуйста, не завышайте задач, не требуйте от нас слишком многого. Не говорите нам слишком сложного и заумного. Мы обычные, простые люди — не требуйте от нас невозможного. Все должно быть для простых людей».

И вот, если сделать богослужение для «простых людей», то не факт, что эти самые «простые люди» на него повалят толпами. Но и оставлять ситуацию, как есть – далеко не лучший вариант.

Однако, как мы помним, в тропаре предпразднства Богоявления поется о том, что Христос «все творение пришел обновить». И апостол Павел пишет о постоянном «обновлении» нашего «внутреннего человека» (2Кор 4:16), и увещевает христиан преобразовываться «обновлением ума вашего» (Рим 12:2). Так и Церковь, будучи не пыльным собранием древностей, но живым и растущим организмом, не может не обновляться и не искать способы выражения и донесения вечных истин о спасительных делах Божиих в таких формах, которые доступны и приемлемы для человека – здесь и сейчас.

http://www.religion.in.ua/zmi/foreign_zmi/14124-vsuyu-tvar-xotya-obnoviti-ili-o-bogosluzhenii-i-smysle.html

Комментарии к статье:

*ИМХО, лучше было бы полностью исключить ЦСЯ в какой-то части приходских храмов. В украиноязычных регионах служить на украинском, в русскоязычных - на русском.

Но Евангелия, ветхозаветные тексты, и особенно Апостола, надо было бы везде читать на понятном языке, украинском или русском. Народ дома к Евангелию и так после "воцерковления" не притрагивается, а читаемое в храме Священное писание не понимает. На самом деле, если на проповеди не затронут смысл апостольских посланий, народ уйдет домой, так и не поняв ни одного слова из того, что читали.

*По поводу структуры богослужений. Для меня авторитетными были и остаются греки. Если бы хватило ума, воспользовались опытом тех, от кого приняли православие...

Греки отказались от "ектении об оглашенных" (кстати, я "за" ектению, если вернется институт оглашения), не читают в составе анафоры молитву 3 часа, сами "часы" вообще не читают, также как и мои "любимые" кафизмы на утрени, утрению совершают утром, вечерню вечером... Чтение кафизм на утрени даже на понятном языке, по моему мнению, явное излишество (бремя). Это уместно в монастырях. Но должны быть более-менее человеческие условия для обычных светских людей, отягощенных множеством обязанностей. Если, к примеру, кто-то может сугубо выкроить 2 часа на вечернее богослужение, и вынужден уходить до окончания службы, не лучше ли было бы, чтобы это время было наполнено не кафизмами, которые можно почитать дома, но соборной молитвой, теми же стихирами на *хвалитех*, великим славословием... Особенно бессмысленное мучение, которое потом еще и отдается негативными последствиями - это выстаивание 1 часа и более кафизм с проблемами здоровья, беременным... Вообще, какое назидание они дают??

При этом, в некоторых храмах переменные части службы (в основном стихирны дня или праздника) почти полностью выбрасывают, но кафизмы читают до бесконечности. Опять же, стихирны на "Господи воззвах"

или "хвалитех" не поют, или скороговоркой пробегают, потому что экономят время - но только почему-то не на кафизмах.

*СОБСТВЕННО ЛИТУРГИЮ конечно, сокращать не надо, а вот наслоения или абсолютно изжившие себя вещи следовало бы. К первым можно отнести бесконечные поминовения никому неизвестных имен на сугубой ектении или на Херувимской, которые иногда минут на 40 затягивают литургию, молебны после совершения отпуска, особенно с чтением Апостола и Евангелия, которые по моему мнению, унижают главное Таинство церкви, ко вторым - ектению об оглашенных.

Вечернее богослужение для обычных приходов сократить не мешало бы. Особенно большинству утомительны и непонятны кафизмы на утрени. Особенно когда титаническими усилиями удастся выкроить время для вечерней службы после напряженного дня, и вечером дома дел непочатый край, просто издевательством выглядит необходимость тупого выстаивания, чтобы послушать "сечивой м оскордом разрушиша и" или "и междорамия ея в блещании злата". При всей моей любви к Псалтири, ее лучше читать дома и не по ЦС и не с болью в спине и ногах.

Что касается сути поднятой темы, то да, у католиков, по крайней мере римокатоликов таких проблем нет. Все переведено на доступный язык, службы не утомительны, все понятно и благоговейно. Люди проводят не 4 часа, а 1,5-2 часа в храме, но они молятся, а не выстаивают время. Их сердца обращены к Богу, а не к себе любимому.

Самое главное, у них люди участвуют в евхаристической молитве, в отличие от практики РПЦ. Впрочем, как и в других православных церквях. Ну РПЦ особенная, лучше побольше не пущать простой народ в "святая святых для избранных", будут тупее, безропотнее, равнодушнее, а с такими проще.

p.s. Не знаю как другим, но лично мне фразы на ЦСЯ типа "вскую непщуете горы усыранныя" делают настоящий вынос мозгов.

Евфалия, вы правы, в том смысле только, что большинство просто ленивое. Но - перефразируя слова Апостола - лучше православных будет 5 человек, но Христиан, чем 5000, но теплохладных обывателей.

Автор прекрасно пишет. Проблема решена давно, решение можно чуть-чуть подправить - есть прекрасные переводы богослужения в УГКЦ, УПЦ КП (у греко-католиков лучше). Надо взять их тексты и наши славянские и внимательно составить удобовразумительное.

Надо просто людей учить и нормально читать в храме.

Дело часто не в языке, а в качестве голосов поющих и отсутствии микрофонов. Это проблема, которую описал автор, уже почти не существует в УПЦ КП, ее нет в католиков и протестантов. Потому что 1) хорошо следят за дикцией чтущих, 2) не дают спешить чтецу, а напротив - лучше медленно, лучше поставить стульчики, но чтобы народ молился, а не слушал тарабарщину, 3) просто простой народный язык.

Но главная проблема в том, что стремление к осознанной молитве есть в лучшем случае у 1-2% прихожан РПЦ (думаю, в "неканонических" православных церквях Украины не больше). Абсолютное большинство боится личного обращения к Богу, Евангелия, потому что это предполагает глубину отношений с Творцом и обнажение своей совести.

Поэтому большинству жизненно необходимы неосмысленные вычитывания и бессмысленные выстаивания, бессодержательные "исповеди" (билет на причастие и отпущение грехов) и т.д. Углубление в себя - это больно. Внимание богатству богослужебного богословия - это вообще вещь вопиюще неприятная прихожанам, отвлекающая от мыслей о своих интересах и нуждах. А вот внешнее дает железную гарантию своему Я.

Скажу по своим знакомым из УПЦ (включая знакомых в сане), почти все из которых с высшим образованием, и имеют 10 и более лет "церковного" стажа. Им это не нужно, не интересно, им это "ничего не даст", на их жизнь это никак "не повлияет". Если обратиться к сегодняшнему великому празднику

Богоявления, никому нет дела, что недавно были замечательные дни Предпразднства, вчера Навечерие Богоявления, почему служилась Литургия Василия Великого, почему она соединена с вечерней, зачем служилось Великое повечерие и т.д. Никто и строчки не вспомнит из вчерашнего Всенощного бдения, даже того, что всем понятно, к примеру: "Днесь Владыка прииде освятити естество водное".

Но я не скажу, что люди в этом так уж виноваты. Им просто приказали быть такими и не показали, что можно по-другому. Главное у людей украдено - участие в литургии. Разве много шансов у людей, отстраненных от самого Главного в церковном собрании, на то, что у них будут развиваться правильные вкусы и стремления? **Все начатки логоса безжалостно отрубаются на начальных этапах т.н. "воцерковления". Главные мантры "духовной жизни" русского православия: "Где просто, там ангелов со сто" и "Послушание превыше молитвы и поста" прочно укореняются в мозгах верующих, где уж там найти место стремлению к понятной молитве.**

«Классические» ошибки в восприятии православного богослужения

Основная часть предлагаемого ниже материала первоначально была опубликована восемь лет назад диаконом Андреем Глуценко в форме регулярно дополняемого текста для активного обсуждения на форуме одного из православных сайтов. Священник Андрей Дудченко, участвовавший тогда в обсуждении, с согласия автора произвел теперь специальную адаптацию текста для публикации на сайте [«Религия в Украине»](#) в качестве отдельной статьи.

Православное богослужение часто по праву называют «школой богословия и богомыслия». Это действительно так, если вслушаться в смысл молитв и песнопений, обратить внимание на сам строй богослужения, его внутреннюю логику и мотивы, лежащие как бы «за кадром», но повлиявшие на возникновение того или иного элемента или обряда. Но в то же самое время не секрет, что часто (а может быть, даже в большинстве случаев) сокровищница православного богослужения оказывается невостребованной.

Виной тому — не только частая непонятность для большинства простых прихожан (а местами — даже для священнослужителей) существующего церковно-славянского перевода, на необходимость поновления которого указывали еще лучшие церковные умы XIX века, например, святитель Феофан Затворник. Часто непонятность богослужения происходит просто от невнятности чтения и пения, неудобовразумительности восприятия на слух «бормотания» чтеца или громогласного «рыка» дьякона, читающего Апостол или Евангелие с тем, чтобы показать весь диапазон своих вокальных возможностей. Бывает и так, что сама акустика храма не способствует внятности донесения до слуха молящихся чтения и пения (исправить эту проблему помогает акустическая аппаратура, профессионально подобранная). Но бывает и иное. Подчас неверному пониманию службы способствуют так называемые «ложные друзья переводчика» — отдельные слова или фразы, смысл которых для современного человека звучит совершенно иначе, чем для авторов текста. Некоторые ошибки такого рода в понимании богослужения могут быть названы «классическими» по причине своей давности и повсеместности.

Есть слова и обороты, которые кажутся на первый взгляд большинству прихожан совершенно понятными и не требующими разъяснений. Но на проверку оказывается, что их подлинный смысл чаще всего далек от, казалось бы, очевидного предположения. И исправить эти казусы можно было бы довольно просто,

оставаясь в рамках все того же церковнославянского языка и не прибегая к переводу на современный украинский или русский.

Мы рассмотрим для примера несколько наиболее распространенных случаев ошибочного понимания богослужебных текстов (или потенциального непонимания их вообще) и выскажем соображения по поводу возможного исправления этих «трудных мест» — как возможный образец для подобной фронтальной работы. Тезисы, приведенные в данной статье, несколько лет назад активно обсуждались нами на интернет-форуме «Человек и его вера», но спустя годы актуальность этих вопросов несколько не уменьшилась.

В начале каждой литургии, вечерни или утрени, а также и во время других служб, диакон возглашает так называемую «великую» или «мирную» ектению, которая начинается с прошения: **«Миром Господу помолимся»**. Далеко не каждый из стоящих в храме людей, к которым обращен этот призыв, знает, что здесь идет речь не о приглашении помолиться «всем вместе, то есть всем миром», но — о молитве в «мирном состоянии духа». Переводчики на славянский, во многих других местах строго следовавшие букве греческого оригинала, здесь отступили от нее: в греческом тексте стоит «en eirēne» — буквально «в мире». Но переводчики убрали предлог «в» и заменили дательный падеж творительным. Подавляющее большинство прихожан одного обычного городского храма, среди которых был проведен блиц-опрос, ответили, что переводят для себя это прошение как «помолимся всем миром» — «все вместе». Примечательно, что везде в других частях богослужения то же самое «en eirēne» переводится у нас буквально — «в мире»: «Прочее время живота нашего в мире (а не «миром») и покаянии скончати...», «Святое Возношение в мире (не «миром») приносить», «В мире (а не «миром») вкупе усну и почию» и т.д.

Как можно было бы решить эту проблему? Варианта может быть два: либо исправить перевод на буквальный: «В мире Господу помолимся», — либо же обстоятельство, выраженное существительным, заменить на наречие: «Мирно Господу помолимся». Нам режут слух оба варианта? Может, это потому, что мы уже привыкли к неправильному пониманию прошения?

Далее в той же ектении диакон возглашает: **«О свышнем мире** и спасении душ наших...». И снова та же история. На вопрос, что значит это прошение, прихожане при опросе почти хором ответили: это значит «о вышнем мире», то есть о мире ангелов. На вопрос, как вообще мы можем молиться об ангелах, никто, правда, ответить не смог. Что же здесь в греческом тексте? «Hyper tes anōthen eirēnes». Anōthen — это наречие apo (вверху) с суффиксом then, обозначающим движение «откуда?». Буквально фраза должна переводиться «О мире (не міре!) свыше (!) и спасении душ наших...», то есть «О ниспослании мира свыше...».

С подобной заменой не-адъективных греческих определений (не создающих проблем для понимания) на адъективные в церковнославянском языке вообще много недоразумений: например, «память смертная» — это на самом деле «память (о) смерти»; «за мірский живот и спасение» — это «за живот (жизнь) міра и спасение»; но звучит так, будто мы спрашиваем в молитвах себе смертную память (то есть способную умереть?), а Христос пострадал во имя какой-то мірской жизни. Впрочем, там, где подобную замену было бы, наоборот, желательно применить, этого иногда не встретишь (об этом будет сказано ниже).

Как же можно было бы исправить эту ситуацию? Предельно просто: вернуться к буквальному греческому «О мире свыше» (равно как и в остальных приведенных только что примерах и им подобным).

Следующее прошение ектении: **«О мире всего мира, благостоянии святых Божиих церквей и соединении всех...»** Вот оно, любимое прошение екуменистов! :) Одна лишь незадача: слово «церкви» в греческом — женского рода (как и в русском), а слово «всех» здесь (panton, а не pason) — мужского. Под «всеми» подразумеваются не церкви, а христиане: верующих приглашают помолиться о соединении всех православных христиан, которые, каждые в своем городе, принадлежат Единой Святой Соборной и

Апостольской Церкви. Исправить потенциальное непонимание можно легко, добавив одно слово: «...и соединении всех нас...».

Практически каждая ектения оканчивается прошением: «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную... со всеми святыми помянуше, **сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим**». Порой батюшки, как можно заметить, делают почему-то дополнительную паузу после слов «друг друга», а не только после «помянуше». Это только усугубляет трудность в восприятии. Ошибок тут не возникает, но текст становится именно трудно воспринимать на слух (все равно что читать книгу с хаотически проставленными знаками препинания). Основная же трудность вот в чем: как ни крути, «(сами) себе» воспринимается как дательный падеж (кому?), а не как винительный (кого?). Выход простой: заменить на параллельный церковнославянский вариант: «самих себе и друг друга...». Ощущение дательного падежа исчезнет.

Практически в каждой службе встречается сугубая ектеня. Одно из ее прошений, посвященное поминовению усопших, заканчивается словами: «...**зде лежащих и повсюду, православных**». Многие батюшки не обращают никакого внимания на стоящую в служебнике запятую и читают «зде лежащих (пауза) и повсюду православных». Получается, что у нас мертвые — лежащие, но не православные, а во всем остальном мире мертвые — православные, но не лежащие. Выходом было бы, конечно, читать правильно: «зде лежащих и повсюду, (пауза) православных», но это кажется несколько «неудобопроизносимым». Второй вариант: поменять расположение слов — «зде и повсюду лежащих, православных».

Херувимская песнь. Кладезь трудностей для простых прихожан. Показательный факт: подавляющее большинство храмовых хористов на нескольких разных приходах, которые были опрошены (а ведь они пели эту песнь, наверное, уже многие сотни раз!), не смогли ее правильно перевести. Одна из первых трудностей заключается в том, что слово «херувимы» воспринимается как именительный падеж, хотя на самом деле стоит в винительном (в именительном было бы «херувими», с «и» на конце). Выход: заменить параллельной формой (кстати, допустимой в церковнославянском, сравните параллельное употребление в наших текстах «помилуй ны» и «помилуй нас») — «Иже херувимов тайно образующе...». Нам снова режет слух? Подумаем, отчего.

Кроме того, как ни крути, а в нынешнем переводе Херувимской для правильного понимания просто необходимо сделать еще одно изменение. Вместо славянского «подъемем» поставить славянское же «приемем». Иначе, кроме всего прочего, будет еще и сохраняться нежелательная ассоциация с совершенно неверным толкованием о «ношении на копьях». *hupodechomai*, напомним, означает именно «принимать», особенно «принимать у себя гостя», или «принимать в себя». Это — прямое указание на Евхаристию. Речь идет о причащении Тела и Крови Христовых, принятии Евхаристической жертвы, приготовленные дары для которой переносятся на престол на Великом входе во время пения Херувимской песни. Славянское слово «подъяти» имеет такое же значение, как и слово в греческом оригинале — «принять в себя», и перевод, конечно, правильный, однако сейчас это слово просто неотличимо от русского «поднимать», которое нужного значения не имеет вовсе. А «дориносимый», напомним, значит «окруженный телохранителями, копьеносцами», а отнюдь не «поднятый на копьях».

Один пример — из утрани. Возглас священника после шестой песни канона: «**Ты бо еси Царь мира** и Спас душ наших...». Заметьте, «Царь мира», а не «Царь міра». «Царем міра» в нашем богослужении часто называется диавол — например, в службе навечерия Крещения Господня (хотя чаще встречается «князь міра»). Подобный пример, что и в первом случае, встречаем на великом повечерии: «Бог крепок, Властитель, Начальник мира». Последние два слова: *Archon eirenes* — Князь мира, то есть Князь мирный. Однако на слух эти слова воспринимаются иначе. Какой здесь можно найти выход? Заменить неадекватное определение адекватным: «Ты бо еси Царь мирный и Спас душ наших...», «Бог крепок,

Властитель, Начальник мирный». Кстати, в просительной ектенье у нас так и сделано: «Ангела мирна, верна наставника», а не буквально «Ангела мира (eigenes)». Это именно тот случай, когда определение, выраженное существительным в родительном падеже, желательным было бы переводить прилагательным (в отличие, наоборот, от случаев «смертной памяти» и «мирского живота»).

В конце первого часа, а порой и на литургии поют гимн **«Взбранной Воеводе»**, который у нас является также первым кондаком Акафиста Божией Матери (первой строфой Акафиста, или проимием, изначально было «Повеленное тайно приим в разуме...»). У некоторых наших составителей акафистов, пишущих свои произведения по образцу классического Акафиста, слово «Взбранная» оказалось понятым как архаическая форма для «Избранная». Поэтому многие поздние акафисты начинаются со слова «Избранный». На самом же деле славянское «взбранный» происходит не от «братъ» («избирать»), а от «брань» — битва, сражение. По-гречески: Нуретmachos, от mache — битва. Нуретmacheo означает «бороться в защиту кого-либо». «Взбранная Воевода» — это «сражавшаяся за нас, в нашу защиту».

Употребление выражения «Взбранная Воевода» в отношении Богородицы связано исключительно с известной в истории Ее чудесной помощью в защите Константинополя. Применять же его буквально к каждому святому и даже к Самому Господу, как это делается в акафистах — не всегда уместно. Акафист свт. Николаю, например, начинается со слов: «Возбранный чудотворче и изрядный угодниче Христов...». Буквально это означает «Сражавшийся за нас (или: защищавший нас в брани) чудотворче...», но вряд ли составители акафиста предполагали именно такой смысл. С чем именно в житии свт. Николая может быть связан этот эпитет — сказать трудно...

Ирмос шестой песни канона 6-го гласа: **«Житейское море, воздвигаемое зря...»**. На просьбу объяснить, о чем здесь идет речь, прихожане при опросе ответили, что житейское море (кстати, в греческом, снова-таки, определение не-адъективное: «море жизни», «жития») воздвигается, дескать, на нас «зря», то есть напрасно, всеу. Но в славянском слово «зря» не имеет такого значения. «Зря» (греч. kathoron) — это [дее-]причастие от «зрети», «видеть». Буквальный перевод: «Я, видя, что море моей жизни возмущается бурей искушений (reirasmon — в «Отче наш» это слово переведено так)...». Выход из ситуации возможного непонимания довольно простой: можно заменить «зря» на «видя». Тем более что в первом ирмосе канона того же 6-го гласа это же самое слово (kathoron) переведено именно так — как «видя» («гонителя фараона видя потопляема»).

А в ирмосе восьмой песни того же канона 6-го гласа появляется вдруг некая жертва Илии, попаленная водой (!!!): «Из пламене преподобным росу источил еси, и **праведнаго жертву водою поपालил еси...**», — вопреки предельно ясному указанию Писания: «И ниспал огонь Господень и пожрал всесожжение, и дрова, и камни, и прах, и поглотил воду, которая во рве» (3 Цар. 18: 38). Но при опросе прихожане подтвердили, что здесь, по их мнению, идет речь о какой-то неизвестной им жертве, которая чудесным образом **была сожжена водой...** На самом деле в переводе ирмоса оказался всего-навсего пропущен союз «с». Исправить очень просто: вставить выпавший союз в перевод — «и праведнаго жертву с водою поपालил еси».

На воскресном всенощном бдении, а также и в поминальные дни, когда читается 17-я кафизма, часто звучат выражения, где упоминаются «оправдания» Господни: **«Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим»**. То же самое слово встречаем и в вечернем песнопении «Сподоби Господи»: «Вразуми мя оправданием Твоим... Просвети мя оправданием Твоими. О каких «оправданиях» здесь идет речь? Вопреки тому, что кажется очевидным на первый взгляд, псалмопевец говорит вовсе не о способах оправдаться пред Богом. Dikaiomata — это «установления, предписания, заповеди». Так, данная строка из псалма 118 в Синодальном переводе звучит: «научи меня уставам Твоим» (Пс. 118: 12).

Следующий момент, пожалуй, самый трудный для перевода. На литургии мы слышим возглас: «Твоя от Твоих, Тебе приносяще, **о всех и за вся**». До сих пор литургисты и филологи спорят о смысле выделенных

слов. Скажем только, как нельзя их понимать: «О всех людях и за всех людей», или «повсюду и в благодарность за всё» (перевод В.Шолоха в параллельном издании текста литургии Златоуста, Киев: «Пролог», 2004). Это совершенно неверно. В греческом оригинале: «kata panta kai dia panta». Panta — «всё» среднего рода множественного числа. Буквально: «согласно всему и ради/вследствие всего». Эти слова являются частью анафоральной молитвы и могут быть поняты только без отрыва от нее, как «согласно всему и ради всего» — что было сказано ранее о делах Божиих в отношении мира и человека и о том, как Христос установил это спасительное таинство.

Каждый из православных христиан несчетное множество раз слышал возглас «**прости!**» (ударение на «о») — либо в составе «Премудрость, прости», либо в начале благодарственной ектении после причащения: «Прости, приемше...» Все ли понимают, о чем идет речь? Сама практика совершения богослужения показывает, что, увы, нет. И лучшая иллюстрация тому — Литургия Преждеосвященных Даров. Во время этой Литургии после второго прокимна священник возглашает «Премудрость, прости!», а затем обращается к собранию, благословляет народ зажженной свечой и кадилом, произнося: «Свет Христов просвещает всех». При этом все молящиеся в храме, как правило, падают ниц. Но ведь возглас священника, прозвучавший только что, призывал всех, напротив, стоять прямо! По-гречески «прости» — orthoi. Это прилагательное orthos («прямой», а также «правильный», «истинный» — отсюда происходит всем известное слово ortho-doksia, православие) в именительном падеже множественного числа мужского рода. Поскольку в греческом это слово не имеет артикля, то на церковнославянский оно было переведено кратким прилагательным.

В церковнославянском слово «простый» имеет несколько значений, и одно из основных — «прямой». Краткая форма его по-славянски — «прост» (сравните: мудрый — мудр, благий — благ, и т.д.). Множественное число — «прости» (он — мудр, они — мудри; он — прост, они — прости). Слово «прости» отвечает на вопрос «какие?» или «каковы?». Оно подразумевает призыв: «Будьте прости», или «Станьте/стойте прости», — то есть, буквально по-русски: «Стойте прямыми, прямо!». Как можно было бы исправить ситуацию с непониманием? Возможный вариант: добавить уточняющее слово: «Премудрость! Станьте прости».

Одно из главных песнопений вечерни (а также и молитва священника на вечернем входе) содержит слова: «**Да исправится молитва моя яко кадило пред Тобою**». Что это за «кадило», с которым сравнивается молитва, которая, в свою очередь, должна быть «исправлена»? Thymiama — это, во-первых, «фимиам (ладан), каждение», а уже только во вторую очередь «кадило» в привычном для нас значении. И в указанной цитате имеется в виду именно «каждение, кадильный дым». Kateuthyno — «выпрямлять, делать прямым, направлять по прямой линии, направляться, устремляться». Перевод фразы можно исправить так: «Да вознесется молитва моя яко фимиам пред Тобою». Все тот же церковнославянский язык, но смысл куда очевиднее.

В прошениях литии, которая совершается на всенощном бдении, есть фраза: «О всякой души христианстей, скорбящей же и **озлобленной**». О чем здесь молимся? Об умягчении злых сердец, как кажется на первый взгляд? «Злоба» в церковнославянском — это «зло, порок», но также и «забота» (ср. «Довлеет дневи злоба его» — «Довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6:34); отсюда, из евангельского стиха, кстати, произошло русское «злободневный» и «на злобу дня»). «Озлобिति» — «делать худое, обижать, угнетать, стеснять». «Озлобленный» — это «озабоченный, угнетенный, стесненный». То есть не тот, кто озлоблен на окружающих, но кто, напротив, терпит угнетение или притеснение. Так что можно со спокойной совестью (как у М.Ардова в «Мелочах») писать в записках «О озлобленном рабе Божиим имярек» :)

Следующий пример звучит в храмах гораздо реже всех предыдущих, но если вдруг в него вслушаться, то можно подумать, что произносится кощунство. Можно даже подумать, что на каждой одиннадцатой воскресной службой нас призывают «не верить» в Воскресение Христово. В эксапостиларии после 9-й

песни канона звучат слова: «Яко Христос воскрес, **никтоже да не верует**». При этом, если взглянуть на сам напечатанный в Октоихе – богослужебной книге – текст, то можно заметить сноску, или глоссу, которая дает вариант чтения: «никтоже не неверуй». Однако читают ли хоть в одном храме эту исправленную версию?

На самом деле «никтоже да не верует» — это буквальный, дословный перевод с греческого: «*me tis diapisteito*». Весь фокус в том, что в большинстве европейских языков принято одинарное отрицание («I have never been there»), а у нас — допускается двойное («я никогда там не был») в значении простого отрицания. Двойное же отрицание для европейских языков равносильно утверждению. По-английски достаточно одного отрицания: либо отрицания действия (не знаю), либо его объекта (ничто): «I don't know anything», или: «I know nothing», то есть «я не знаю чего-либо» или «я знаю ничто». А вот если скалькировать на английский наше «я ничего не знаю», получим несуразное: «I don't know nothing», то есть буквально: я НЕ знаю вот это самое НИЧТО, следовательно, что-то иное, помимо НИЧЕГО, я вполне могу знать.

В греческом также нет нашего двойного отрицания. Выражение «пусть никто не верит в Воскресение Христово» означает буквально: «Пусть неверующим в Воскресение будет НИКТО», то есть, «пусть не будет никого, неверующего в Воскресение». Однако, калькируя греческий синтаксис, в переводе мы, как это воспринимается на слух, доходим едва ли не до кощунства. Стоило бы обращать внимание псаломщиков или чтецов на этот момент, чтобы в храмах звучала именно глосса «никтоже да не неверуй» (дабы не объяснять всем присутствующим на службе особенности греческого и русского синтаксисов).

Касательно глосс есть и другие примеры. В Евангелии от Иоанна 15:22 читаем: «Аще не бых пришел пришел и глаголах им, греха не быша имели, ныне же **вины не имут о гресе своем**». На полях Евангелия разъяснено, что «вина» — это на самом деле «извинение» (греч. *prophasis* — отговорка, увертка). Но «не иметь вины» и «не иметь извинения» в грехе – это все же немного разные вещи для современного уха, не правда ли?

А вот пример из 17-й кафизмы, которая у нас звучит вслух в поминальные дни (на «парастасе»), а также и в Великую Субботу, а по уставу, вообще-то, должна исполняться намного чаще. «**В заповедех Твоих поглумлюся**» (ст. 15), «раб же Твой глумляшеся во оправданиях Твоих» (ст. 23), «Путь оправданий Твоих вразуми ми, и поглумлюся в чудесех Твоих» (ст. 27) и т. п. При этом глосса уточняет: «поглумлюся» — значит «буду размышлять». Согласитесь, глумиться над заповедями и размышлять над ними – вещи для современного слушателя совершенно противоположные.

На Великом повечерии, которое совершается во всех храмах в первую седмицу Великого поста, читается молитва Манассии, царя иудейского. В ней звучат следующие обращенные к Богу слова: «яко **непостоянно великолепие славы Твоея...**» Что за странное выражение? Слава Божия может быть «непостоянна»? Речь, конечно же, о другом, но кто из простых прихожан догадывается? В Часослове, откуда читаются эти слова, есть глосса: «Яко никтоже постоит пред великолепием славы Твоея». «Непостоянно» — в данном случае означает «перед чем трудно выстоять», «что трудно выдержать/вынести».

Но неужели все эти глоссы печатаются для того, чтобы один-единственный человек в храме (священник или псаломщик) знал, что же именно он читает, а остальные — пусть что хотят, то пусть и думают? Не верить в Воскресение — пожалуйста! Считать иудеев невиновными в отвержении Спасителя — да запросто! Глумиться над заповедями — да ради Бога!

Однако за те годы, что авторы этих строк служат в священном сане, не было случая, чтобы кто-либо из постоянных прихожан, не связанных клиросным послушанием, по собственной инициативе обратился к клирикам за разъяснением этих «жутких» фраз. При том что при опросе правильно перевести их практически никто не смог. Надо честно признать, что прихожане **привыкли** не понимать богослужения и

даже явные ошибки перевода воспринимают совершенно безучастно. Однако виноваты ли в этом сами прихожане? Нет, за состояние дел ответственны мы, клирики, которые поставлены для того, чтобы учить народ Божий словом и делом.

Уже в позапрошлом веке святитель Феофан Затворник писал: «Есть вещь крайне нужная. Разумею новый упрощенный и уясненный перевод церковных богослужебных книг. Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская, и все нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений — совсем непонятны. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие сего новый перевод богослужебных книг неотложно необходим. *Ныне-завтра надобно же к нему приступить*, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиною вреда, который от сего происходит».

«Ныне-завтра», писал святитель. Прошло более века, но воз и ныне там. При этом многие верующие вполне довольны — удовлетворяясь просто тем, например, что нужный канон или кафизма «вычитаны» (говорят так и о подготовке ко Причастию: «вычитал правило»), а понятые в них от силы 60-70% слов и фраз создали нужное молитвенное настроение. Однако тот же святитель Феофан писал: «Не то значит молитва, чтобы прочитать только молитвы, но то, чтобы воспроизвести в себе содержание их, и так их произносить, как бы они шли *от нашего ума и из нашего сердца*».

Сколько же еще должно пройти лет/десятилетий/веков, чтобы в области улучшения понимания богослужебных текстов (что достигается не в последнюю очередь и обновлением существующего перевода) хоть что-то сдвинулось с мертвой точки?

PS. После публикации статьи я получил от священника Максима Плякина совершенно справедливый критический комментарий:

"В истории ирмоса про жертву и воду не все так однозначно. Да, дониконовский вариант действительно говорит о том, что Господь "праведнаго жертву и воду попали". Однако в Священном Писании есть эпизод, в котором Господь чудесно изменил свойства воды: после окропления ею жертвенника разгорелся огонь, который и попалил жертву, которую приносил праведник. Речь идет о Неемии и об отрывке 2 Макк. 1:18–23. Именно отсылкой к этому месту Писания объясняется этот ирмос в некоторых современных толкованиях. Поэтому, как мне кажется, необходимо как минимум сделать поправку на возможное прямое объяснение текста и не мотивировать разночтение только (гипотетической) ошибкой при справе текста".

Соглашусь, что здесь может иметь место как раз моя ошибка восьмилетней давности. Действительно, в некоторых современных изданиях этот ирмос понимается как относящийся одновременно к двум "эпизодам" - и Илии, и Неемии, напр., в "Настольной книге священнослужителя", 1992, т. 1: "Из пламени источил Ты росу для благочестивых (отроков) и водою попалил жертву праведника (пророка Илии и Неемии. 2 Мак. 1, 18). Ибо Ты, Христе, всё творишь единою Своею волею. Мы превозносим Тебя во все века".

В 2 Макк. 1: 20-22 читаем: "По прошествии же многих лет, когда угодно было Богу, Неемия, присланный от Персидского царя, послал за сим огнем потомков тех священников, которые скрыли его. Когда же объявили нам, что не нашли огня, а только густую воду, тогда он приказал им, почерпнув, принести ее; и когда потом приготовлены были жертвы, Неемия приказал священникам окропить этою водою дрова и положенное на них. Когда же это было сделано и наступило время, когда просияло солнце, прежде закрытое облаками, тогда воспламенился большой огонь, так что все удивились".

И если в случае Илии огонь сходит с неба, то процитированное сейчас место как раз допустимо понять в том смысле, что источником пламени явилась вода - жертва была "зажжена" водой (возможно, это была нефть: см. 2 Макк. 1: 36).

В греческом тексте данного ирмоса слово "вода" стоит в дательном падеже. В древнегреческом языке он используется, с одной стороны, и в качестве нашего творительного (*dativus instrumentalis*) - поскольку творительный в этом языке отсутствует. В этом случае перевод, действительно, будет выглядеть: "сжег жертву (чем?) водой" - и подходить к случаю Неемии. В пользу этого также можно привести и использование в таком случае в ирмосе двух противопоставленных парадоксов: из пламени - роса, из воды - огонь.

С другой стороны, от чего (ошибочно?) отталкивался я, дательный без предлога может использоваться вместо *meta + Gen.* - в значении нашего "с кем? с чем?". Это подходит к случаю и Илии, и Неемии - жертва была сожжена вместе с водой.

В любом случае, вопрос правильного перевода является не таким однозначным, как было мною ранее представлено. Если окажется, что я действительно восемь лет назад ошибся и не заметил этого сейчас - прошу простить!

Однако данный пример - даже в случае моей ошибки - является еще одной иллюстрацией в пользу основной тематики этой статьи. Указанный ирмос является одним из наиболее часто исполняемых за богослужениями в течение года. За год хористы поют его, а прихожане слышат не один десяток раз. Однако как много из них (да и нас, священнослужителей) знает, о каком вообще эпизоде из Священного Писания идет речь? И если многие не знают и не пытаются вообще узнать - то признаком чего может быть это?

<http://www.religion.in.ua/main/bogoslovya/9055-klassicheskie-oshibki-v-vospriyatii-pravoslavnogo-bogosluzheniya.html>

Комментарии:

глянул ряд сайтов: после "Давид" стоит точка. здесь - <http://analogion.gr/glt/texts/Och/Tone1Sun.uni.htm> - в греческом тексте аналогично: точка после "Давид". так что к "якоже рече праведный Давид" относится "святой кивот", а не "явилася еси...". здесь имеется в виду классическое для Византии анагогическое толкование Ковчега Завета как прообраза Богородицы: Ковчег - место особого присутствия Господня, он как бы вмещает Невместимого - прообразуя тут Божию Матерь, Которая в Своей утробеместила воплощенного Бога, Которого не могут вместить небеса. кем именно стало использоваться это толкование Ковчега как прообраза Богородицы, сказать не могу, но определенно это уже первое тысячелетие.

Прекрасный анализ церковнославянских ляпсусов, наиболее встречающихся в богослужении. Маленькие уточнения.

- 1) Вместо «Царь мирный» ("Ты бо еси Царь мира...») лучше «Царь покоя». Иначе семантический оттенок со слова «мир» (покой) смещается в сторону слова «Царь» (т.е. Тот, Кто мирный).
- 2) Не стоит обходить молчание начальные слова просительной ектении «Исполним молитву нашу...». Что значит «исполним»? Хорошо споем? Смысл здесь «Восполним (довершим) молитву». Аналогия: «испить чашу».
- 3) Предначинательный псалом на вечерни. «Ругахуся» по этой причине следовало бы заменить на «играхуся» (ругать и играть далеко не одно и то же).

Прекрасная статья отца Андрея. К тому же она выдержана в традиции. На самом деле большинство наших православных приходов – тоталитарные секты. А богословское мышление мирян, углубление в богословие Церкви не всегда приветствуется самим духовенством, чем глупее церковный народ, тем им легче

руководить ко «спасению» стадо Христово. Более того, просвещенное и образованное духовенство, к которому и принадлежит отец Андрей, не особо в чести у «народа церковного». Сегодня в Церкви популярны с одной стороны – эффективные менеджеры, коммерческие и финансовые директора, а с другой – бородатые, глупые, тупые, но хитрые маргиналы – лжестарцы.

А вопрос перевода на русский или украинский язык, на мой взгляд, мало что решает.

Надо начинать с богословского образования мирян, катехизации, нужно объяснять богословские основы литургической жизни. Прививать любовь к чтению Священного Писания, богословскому мышлению, свободе, интеллектуализму, а уж затем заниматься переводом. Если человек не знаком с библейской историей, то язык ему не поможет. Ему служи хоть на русском, на украинском, на китайском языках - все равно будет все непонятно и как в первый раз. Какой Моисей? Какие печи и огонь? Какой Вавилон? Но, в целом, отец Андрей поднял интересную тему. Спаси Его Господь.

Проблема решается:

<http://orthodoxy.org.ua/content/pyat-chasov-rozhdestvenskoi-sluzhby-na-vosmidesyati-stranitsakh-16339>

*«Классические» ошибки в восприятии православного богослужения [Весьма уместная статья диакона Андрея Глущенко](#), он же [anglus](#)

Я от себя еще дополню кое-что.

Помимо «мирОМ Господу помолимся», вообще есть какая-то странная закономерность, что там, где в греческом тексте стоит предлог «В» (εν), славянский перевод почему-то ставит творительный падеж вместо предложного. Еще один пример из этой же серии: «Двери, двери, премудростиЮ вонмем». Это вообще никак не вразумительно по смыслу, поскольку просто какой-то набор слов получается. А ведь тоже самое здесь, что с «мирОМ» - «В ПРЕМУДРОСТИ вонмем» (εν σοφία πρόσχομεν), то есть будем внимать в премудрости (премудро), тому, что следует дальше – Символу Веры. А можно и вообще этот предлог «в» опустить, и тогда будет просто – будем внимать премудрости, как предлагал о. Павел Флоренский. Я лично, если служу один, без диакона, давно уже не возглашаю «премудростиЮ».

А еще в заупокойной молитве: «Покой их, Господи, в месте светле, в месте злачне, в месте покойне...» «Злачное место», понятное дело, какой оттенок имеет в современном русском языке! Но в оригинале – «в месте зеленом», то есть там, где много растительности. Это, разумеется, всего лишь поэтический образ, но есть неплохой эквивалент этого слова – «в месте отрадном».

Еще классическое место в 50-м псалме: «И грех мой предо мною есть выну». Часто понимают прямо «выну да раскрою», типа исповедаю! И вот загадка: почему в одних случаях в славянском употребляется «выну», а в других случаях «всегда»? Не возглашается же священником «Благословен Бог наш, выну, ныне и присно и во веки веков»! Так почему бы не заменить во всех подобных случаях это «выну» на "всегда", если уж оставаться даже в классических рамках ЦСЯ как он есть?

А в приведенном примере д. Андрея с ирмосом 8-й песни воскресного канона в дореформенном тексте звучало гораздо проще и лучше, как это и сохранено у старообрядцев: «Из пламене преподобным росу источи и праведнаго жертву и воды попали» (аорист вместо позднейшего перфекта). Если оставаться в рамках современного варианта, то «с водою», конечно, единственный возможный вариант.

Ну и еще о. диакон забыл упомянуть евангельский отрывок из Луки (8, 12) из притчи о сеятеле, где в славянском тексте, когда Иисус уже объясняет апостолам эту притчу, звучит про тех, у кого посеянное при дороге тут же похищается лукавым: «Да не веровавшие спасутся». Как обычно, это калька с древнегреческого *ἵνα μὴ πιστεύσαντες σωθῶσιν*. Но отрицание здесь относится к глаголу, а не предшествующему ему деепричастию, поэтому получается: «да уверовав, НЕ спасутся». Еп. Кассиан: «чтобы, уверовав, не были спасены». Синодальный перевод: «Чтобы они не уверовали и не спаслись». Но здесь, как и во многих других случаях, непонимание славянского и неслышание читаемого скорее

предохраняет от подобных казусов восприятия...

Но все эти рассуждения даже в данных рамках, не реформирования, а простой замены отдельных слов и фраз, остаются на официальном общецерковном уровне по-прежнему неостребованными. Прям уж так это трудно - переиздать служебники, утвердив соответствующие поправки? Пока за все 20 последних лет на моей памяти был исправлен лишь один-единственный диалог диакона и священника по окончании Херувимской... Неужели только на это и хватило синодальную Богослужебную комиссию - изменить самую незначительную деталь из всех прочих?

P.S.: Из личного опыта. Несколько лет, включая первые годы, уже будучи в сане, я, читая в каноне Андрея Критского "Закон изнеможе, празднует Евангелие", был уверен, что закон ВЗ потерял силу, а Евангелие торжествует, вытеснив тот ветхий закон! И даже в первый год служения в проповеди об этом сказал! А потом пришлось узнать, что "празднует" значит "бездействует"... Отсюда - "праздность".

*С этим пресловутым ирмосом про жертву и воду все не так просто, отче. Вполне возможно, что дело не в (гипотетической) ошибке справщиков XVII века, а в том, что и в этом случае сработал "ложный друг переводчика", правда, в другую сторону. Посмотрите 2 Макк. 1:18-23 -- вполне ложится в вариант "праведнаго жертву водою попалил еси". Да и греческий текст, насколько я понимаю, допускает и такое прочтение: Δικαίου θυσίαν ὕδατι ἔφλεξας

[pretre philippe](#) Я это воспринимал всегда как противопоставление типа: раз пламя может росу источить, то и вода как бы - попалить. Так, видимо, и редакторы греческие это посчитали. Но в повествовании о пророке Илии ясно пишется, что, когда он принес жертву, налив в окружающий ров воды, пламя попало на жертву и воды вокруг нее во рву. В данном случае это ближе к тексту Писания, согласитесь.

*А почему бы не взять иное место Писания? Отрывок, который я привел, как раз и говорит о том, что праведник принес жертву, на которую возлил "как бы густую воду" и от этой воды загорелся огонь. Получается буквально, что Господь сжег жертву праведника водой. Противопоставление остается: пламя может быть источником росы (точнее, охлаждения внутри пламени), а вода -- источником возгорания, и то, и другое -- несомненные чудеса, происходящие, когда есть на то воля Господа (вся бо твориши, Христе). О близости к тексту Писания именно дониконовского варианта можно говорить только в том случае, если этот ирмос понимать, как однозначную отсылку на историю жертвоприношения Илии. Но есть толковники, которые указывают не на пророка (προφήτης), а на праведника (δικαίος) -- Неемию. И тогда все логично и без натяжки.

По поводу Лк.8.12: никогда не встречал Вами приведенного написания. Обычно всегда отдельно - "да не веровавшие спасутся", т.е. смысл как раз правильный: "чтобы (уверовав) не спаслись". Другое дело, что "веровавшие" надо бы хоть запятыми выделить. И, конечно, человек, не знающий текста, на слух вряд ли это воспримет. Понимающие смысл священнослужители и чтецы обычно подобные места на ходу исправляют, дабы легче донести смысл до молящихся, но таковые - увы - встречаются крайне редко. Обычно просто воспроизводят. А ошибок подобных в текстах немало, к сожалению :(Вот, сейчас вспомнил из повечерия: "яко непостоянно великолепие славы Твоя"...

Статья великолепная и очень нужная. Но главное, конечно это то, что вопрос о переводе богослужения на современный русский не просто назрел, а перезрел уже. А то ведь я грешный сколько панихид пропел певчим в монастыре, а ведь тоже считал что "в месте светле, в месте злачне, в месте покойне..." - это перечисление, в смысле, кого где смерть встретит в "светле" или "злачне", а Господь всех упокоит. А Чаплин всё ручками разводит, дескать нет у нас таких столпов веры чтоб смогли благоговейно и поэтично ЦСЯ на русский перевести. Пока столпов ждать будем верующие в начётчиков превратятся.

<http://pretre-philippe.livejournal.com/208884.html#comments>